

МОДУСЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ DISAPPOINTMENT В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Л.О. Трушкова, канд. филол. наук
БрГУ, Братск

В статье представлена языковая концептуализация эмоционального состояния Disappointment на материале английского языка с позиции самого чувствующего субъекта и со стороны внешнего наблюдателя – через модусные рамки (модусы) «Я» и «не-Я». Выделяются синтаксические конструкции, характерные для каждого типа описания.

Ключевые слова: концептуализация, модус, точка зрения, эмоциональное состояние.

В последнее время все более актуальным становится изучение проблемы взаимосвязи языка и эмоций. Эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления и социального поведения и представляют собой разновидность человеческих страстей, которые пронизывают все сферы жизни человека и отражаются на всех уровнях языка. Как отмечает В.И. Шаховский, «ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации / импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры» [1, с. 672].

В современной лингвистике эмоции рассматриваются в аспекте семиотики и коммуникации, то есть как опыт не отдельно взятого субъекта, а межсубъектный опыт, который возникает в процессе коммуникации и маркируется специальными вербальными / невербальными знаками. В многочисленных научных исследованиях затрагиваются вопросы теории и семиотики эмоций, их концептуализации и вербализации [2, 3, 4, 5].

В языковой картине мира внутренние эмоциональные состояния могут быть представлены двояко – как чувство, переживание и как умозаключение о том, что индивид испытывает определенное чувство. Знание

самого субъекта о своем состоянии и интерпретация внешних проявлений сторонним наблюдателем отражает возможность языковой концептуализации внутренней сферы человека двумя различными способами: с позиции чувствующего субъекта и с позиции стороннего наблюдателя. Рассмотрим следующие примеры: а) I had actually been feeling sad since he left, and I was annoyed at myself for it (D. Steel4, p. 102); б) She looked so sad that it touched his heart (D. Steel4, p. 118). В примере а) субъектом эмоционального состояния печали является говорящий, описывающий свое внутреннее состояние. Пример б) сообщает о перцептивном акте, о точке зрения наблюдателя, описывающего данное состояние со стороны, о чем сигнализирует наличие предиката *look*.

Языковые способы репрезентации внутренней сферы человека уже привлекали внимание ученых. Так, при изучении проблемы, касающейся семантической структуры обозначений эмоциональных состояний, Е.М. Вольф отмечает два типа обозначения эмоциональных состояний. В одном случае наблюдатель и чувствующий субъект имеют одного референта; субъект-наблюдатель (в терминологии Е.М. Вольф «квазинаблюдатель») как бы идентифицирует себя с субъектом эмоции. Другой тип обозначения эмоций предполагает наличие модальной рамки с наблюдателем, который эпистемически оценивает внешние проявления эмоций. Таким образом, выделяется модальная рамка, в которую эксплицитно входят субъект-наблюдатель и предикат наблюдения [6,

с. 68]. Семантическая структура обозначений эмоций в английском языке включает аспект, связанный с проблемой существования модальной рамки «наблюдения» [7, с. 136].

Таким образом, очевидно, что немаловажную роль в интерпретации языкового представления эмоциональных состояний человека играет понятие *наблюдатель*. По мнению Т.Л. Верхотуровой, понятие *наблюдателя* имеет большую ценность для когнитивной семантики, ставящей своей целью объяснение фактов языка через призму воспринимающего мир человека, который в процессе познания преобразует окружающую действительность на основе своего предшествующего опыта. Наблюдатель как перцептивно-когнитивный носитель живого, телесного опыта является первичным концептуализатором [8].

Интерес к *фигуре наблюдателя* побудил лингвистов вернуться к проблематике *образа автора* и множественности его ипостасей [9], сопоставить типологию нарративных субъектов с типологией модусов и выработать идеи, позволяющие на одних основаниях интерпретировать семантику слова, предложения и смысл текстового фрагмента [10]. В художественных текстах термин *фигура наблюдателя* соотносится с такими литературоведческими понятиями, как *образ автора*, *рассказчик*, *повествователь*.

В пределах нарративного режима возможны две стратегии при выборе заместителя говорящего: заместитель-персонаж (диегетический повествователь) и заместитель-повествователь (экзегетический повествователь). Для заместителя-персонажа (нарратив 1-го лица) характерна в первую очередь передача собственного эмоционального состояния. Заместитель-повествователь (нарратив 3-го лица) может быть всезнающим (аукториальным) или прагматически мотивированным. Аукториальный повествователь в равной мере способен описать как внешнее, так и внутреннее эмоциональное состояние всех персонажей в художественном произведении. Прагматически мотивированный повествователь описывает только то, что видит и слышит, выступая в роли наблюдателя [9].

В коммуникативной грамматике для разграничения «своего» и «чужого» слова используется термин *модусная рамка (модус)*. *Модусная рамка* представляет собой способ восприятия, способ получения информации [10, с. 75]. В модусных рамках субъект сознания предстает в одной из своих ипостасей: как субъект воспринимающий, мыслящий, чувствующий или говорящий. Совпадение субъекта чувствующего, мыслящего и Я субъекта говорящего выражается «Я»-модусной рамкой. Несовпадение субъекта сознания и субъекта речи, героя и автора текста образует «Он»-модусную рамку. «Он»-модусная рамка может включать неопределенно-множественного субъекта, в состав которого говорящий не включает себя [10, с. 279-280].

В рамках исследований по когнитивной семантике методику «реконструирования» внутренней сферы человека двумя принципиально разными способами – с позиции стороннего наблюдателя и с точки зрения самого чувствующего субъекта – «извне» и «изнутри» предлагает Т.И. Семенова. Различие в характере восприятия внеязыковой действительности обуславливает употребление различных типов модусных рамок: а) «Я»-модусной рамки кажимости, которая вербализуется при помощи перцептивных, ментальных предикатов и, в определенных синтагматических условиях, модусным предикатом *seem*; б) «не-Я» модусной рамки кажимости, которая материализуется посредством модусных единиц *seem, look, sound, appear, seeming, seemingly, as if, as though*, обнаруживающих точку зрения субъекта модуса [11]. В качестве методологической основы концептуализации внутренней сферы человека Т.И. Семенова использует понятия *внутренней* и *внешней* точек зрения. Понятие *точка зрения* представляет собой средство, прием, стратегию авторского изложения в художественном тексте. Внутренняя точка зрения предполагает представление событий и ситуаций с позиции восприятия и переживания одного и того же персонажа или разных персонажей, описание их мыслей и чувств. Для внешней точки зрения характерно представление внешних проявлений мыслей и чувств персонажа через его пове-

дение [12, 13, 14, 15, 16]. На языковом уровне формальными показателями внутренней точки зрения являются предикаты ментальной деятельности, восприятия, ощущения [14, 17, 18]. К индикаторам внешней точки зрения относятся единицы *as if, as though, seem, appear, sound, look, perhaps, evidently, apparently, seemingly* [15, с. 203].

Подход Т.И. Семеновой применялся при рассмотрении репрезентации эмоционального состояния Sadness через «Я»-модусную рамку («изнутри», с точки зрения чувствующего субъекта) и «не-Я»-модусную рамку («извне», с позиции стороннего наблюдателя) [19]. В настоящей статье, используя понятия «Я»- и «не-Я»-модусных рамок, рассмотрим языковую репрезентацию эмоционального состояния Disappointment в художественном дискурсе.

«Я»-модусная рамка вербализует такой способ концептуализации внутренних состояний, при котором события интенциональной сферы квалифицируются самим субъектом состояния, который одновременно является и субъектом речи. Как показал анализ фактического материала, языковая репрезентация эмоционального состояния разочарования в художественном тексте через «Я»-модусную рамку происходит следующим образом.

1. В конструкциях с предикатом *feel*: He felt disappointed. He had hoped for a lot more people (Brown3, p. 203). В приведенном примере субъект внутреннего состояния репрезентирован местоимением третьего лица. В этом случае говорящий как бы проникает во внутреннее состояние персонажа, проецирует его на свой собственный опыт и описывает процессы, которые не могут быть доступны наблюдению со стороны. В таких высказываниях третье лицо обладает всеми правами первого, поскольку, описывая внутренние состояния от третьего лица, говорящий как бы становится на точку зрения субъекта состояния [9, с. 349]. Направленность предиката *feel* на вербализацию только внутренней сферы человека ограничивает сферу его функционирования, в частности, не допускает указаний на внешние проявления чувства [11, с. 116-117]. Примером действия такого ограничения может быть не-

маркированность высказываний типа **He felt quite obviously disappointed, *I saw that he felt disappointed*. Предикат *feel* указывает на искренность субъекта. Употребление предиката *чувствовать* предполагает, что субъект эмоционального состояния сообщает о том, что он действительно чувствует [6, с. 72]. Субъективный характер эмоционального состояния обуславливает способность чувствующего субъекта определить не только наличие эмоционального состояния, но и его причину и интенсивность, ср.: He was actually a little disappointed that his butler had interfered (Garwood1, p. 10).

2. В конструкциях с предикатом *seem*: “This message seems more disappointed than enraged, wouldn't you say?” (Brown3, p. 25). В данном примере представлена онтологическая связь между человеком и ситуацией внешнего мира. Человек переживает разочарование, и это ощущение появляется вследствие его способности ощущать, воспринимать действительность и реагировать на внешние условия. Таким образом, предикатируемый признак *disappointed* предстает с внутренней точки зрения как ощущаемый, воспринимаемый субъектом. Специфика семантики подобных высказываний, по мнению Т.И. Семеновой, заключается в совмещенной номинации свойства объекта и ощущения субъекта [11, с. 124]. Анализ эмпирического материала показал, что позицию подлежащего в таких высказываниях могут занимать предметные и событийные имена.

3. В конструкциях с ментальными предикатами *think, find, realize, consider*: He found he was disappointed and admitted that he wanted a good fight (Garwood2, p. 100). Употребление предикатов мыслительной деятельности свидетельствует о таком явлении, как интроспекция персонажа, обращение к своему внутреннему миру и своему внутреннему эмоциональному состоянию. В психологии под *интроспекцией* понимается метод самонаблюдения, изучения психики Я, ее процессов путем субъективного наблюдения за деятельностью собственной психики [20, с. 179]. Явление интроспекции тесно связано с развитием высшей формы психической деятельности – с осознанием человеком окру-

жающей действительности, выделением у него мира внутренних переживаний, формированием внутреннего плана действий. Это сложный и многогранный процесс проявления различных сторон мыслительной и эмоциональной жизнедеятельности индивида. При помощи интроспекции как литературного приема внутренний, ненаблюдаемый непосредственно, мир персонажей художественного произведения становится доступен читателю. Однако понятие интроспекции коррелирует, но не соотносится с такими текстовыми явлениями, как «точка зрения» и несобственно-прямая речь [21]. О.С. Федотова дефинирует *интроспекцию персонажа* как фиксируемое в тексте художественного произведения наблюдение персонажа за своими чувствами и эмоциями, попытку проанализировать те процессы, которые имеют место в его душе. Наиболее очевидными маркерами интроспекции являются лексические средства, обозначающие мыслительную деятельность *think, realize* [Там же, с. 10-14].

4. В конструкциях с соматизмами *heart, chest, lips, mouth, body* в позиции подлежащего: Her heart contracted with disappointment and some of the happiness went from her, for these were not the words she hoped to hear. (Mitchell, p. 384). В примере выше неприятные ощущения в сердце концептуализируются как переживание разочарования. Высказывания подобного типа вербализуют внутренние ощущения человека через когнитивную метонимическую модель, в которой субъект ощущения контекстуализируется через свою «чувствующую часть». «Чувствующая часть» вербализуется соматическими лексемами *heart, chest, lips, mouth, body*. Точка зрения изнутри вводит в рассмотрение ненаблюдаемые процессы и органические ощущения, ведь только сам человек ощущает, как у него бьется сердце, затрудняется дыхание, все болит. В таких высказываниях воспроизводится ситуация «вторжения внутрь», в сферу ощущений человека. Как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, внутренний мир человека моделируется языком по образу наблюдаемого, внешнего, материального мира [22, с. 95]. При отсутствии наблюдаемой динамики – жестов, телодвижений, поведенче-

ских реакций – внутренний мир человека, процесс его эмоциональных переживаний предстает косвенно, через динамику ощущаемых признаков, образующих внутренний мир человека [11, с. 122].

Внутренний мир человека онтологически недоступен восприятию, однако, воспринимаемая внешние признаки того или иного состояния, сторонний наблюдатель может сделать вывод о переживаемом чувстве. Несовпадение субъекта состояния и субъекта речи в «не-Я»-модусной рамке обуславливает ее способность осуществлять референцию к лицу, воспринимающему и интерпретирующему внеязыковую ситуацию. «Не-Я»-модусная рамка предполагает взгляд на субъект и его поведение с позиции внешнего наблюдателя. Репрезентация эмоционального состояния разочарования в художественном тексте через «не-Я»-модусную рамку происходит следующим образом.

1. В конструкциях с предикатами *seem, appear, look, sound*: He found the same Colonel who had dispatched him that morning and who now seemed disappointed that no enemy had crossed Kelly's Ford (Cornwell, p. 123). Данные конструкции сигнализируют о наблюдении внешних признаков, манифестации эмоций. Внутренний эмоциональный мир человека, в отличие от внешнего, материального, не воспринимается на слух, он не наблюдаем и не осязаем. Связующим звеном, выводящим внутренние эмоциональные переживания на языковой уровень, являются каналы восприятия (зрение, слух, осязание) и соответствующие им перцептивные модальности: визуальная, аудиальная и кинестетическая. Таким образом, использование в высказывании модусных единиц *seem, appear, look, sound* обнаруживает точку зрения стороннего наблюдателя. Внешнее, видимое, воспринимаемое тем или иным способом, не всегда может быть описано словами. В таком случае, наблюдатель описывает не поведение человека как таковое, а то впечатление, которое это поведение произвело на него, то есть интерпретирует внешние симптомы. Стремление человека к «перцептивному прочтению мира» обуславливает семиозис, который постоянно идет в мире движений тела: незначительные явления

начинают трактоваться как симптомы; симптомам приписывается конвенциональность [23]. Выбор перцептивного предиката *look*, *appear* или *sound* зависит от того, в какой модальности наблюдатель воспринимает действительность. Использование предикатов *look*, *appear* свидетельствует о восприятии в визуальной модальности, когда вербальное закрепление получает внешний вид, поведение, ср.: She looked disappointed but seemed to know it was the right thing to do (Brown3, p. 230). Использование предиката *sound* свидетельствует о восприятии в аудиальной модальности, когда эмоциональное состояние печали проявляется через аудиальные признаки, и вербальное закрепление получают голосовые проявления, ср.: "I hear you're leaving us," Herney said, sounding disappointed (Brown2, p. 235).

2. В конструкциях с единицами с модальной семантикой *must*, *may*, *evidently*, *apparently*, *obviously*: If he expected to meet a younger version of my father, he must have been disappointed (Caldwell, p. 20). Эпистемические единицы со значением предположительности *must*, *may*, *evident*, *apparently*, *obviously* эксплицируют позицию стороннего наблюдателя. Например, в приведенном выше контексте герой, не имея возможности «проникнуть в сознание» собеседника, предполагает, что тот переживает разочарование. Следует отметить, что выбор модальной единицы зависит от достоверности восприятия. Модальный глагол *must* и модальные единицы *evidently*, *apparently*, *obviously* выражают предположение, обычно основанное на фактах, на знании и почти граничащее с уверенностью, ср.: Lee showed no evident disappointment at the enforced delay but just stared at the long strands of smoke that laced the far woods and fields (Cornwell, p. 83). Модальный глагол *may* употребляется для выражения предположения, в правдоподобии которого говорящий не уверен, ср.: Then he said, "She may have been disappointed" (Brown1, p. 84).

3. В конструкциях с союзами *as if/as though*: Blythe frowned as though he was disappointed in Adam's obtuseness (Cornwell, p. 49). Внешние проявления эмоционального состояния разочарования концептуализируются на-

блюдателем как симптоматически значимые и получают вербальное закрепление в номинации эмоционального состояния. Использование союзов *as if/as though* в данном случае указывает на ментальную операцию, произведенную субъектом восприятия над перцептуальной информацией, но ее результат опровергается истинностной оценкой, носителем которой является повествователь. Союзы *as if/as though* вводят внешнюю точку зрения на внутренний мир человека [11, с. 156].

Итак, анализ репрезентации эмоционального состояния разочарования в художественных текстах позволил выявить определенные способы его языкового представления на синтаксическом уровне. «Я»-модусная рамка реализуется: в синтаксических конструкциях с местоимением третьего лица в роли субъекта в сочетании с предикатом *feel*; в конструкциях с именами предметной или событийной семантики в позиции подлежащего в сочетании с предикатом *seem*; в конструкциях с ментальными предикатами *think*, *find*, *realize*, *consider*; в конструкциях с соматизмами *heart*, *chest*, *lips*, *mouth*, *body* в позиции подлежащего. «Не-Я»-модусная рамка реализуется в конструкциях с предикатами *seem*, *appear*, *look*, *sound*, в конструкциях с единицами с модальной семантикой *must*, *may*, *evidently*, *apparently*, *obviously*, в конструкциях с союзами *as if/as though*.

Литература

1. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике / Горизонты современной лингвистики // Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. М. : Языки славянской культуры, 2009. С. 671-683.
2. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 498 с.
3. Kövecses Z. Emotion Concepts. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 1990. P. 34-56.
4. Lakoff G. Women, Fire, Dangerous Things. Lakoff. – Chicago; London : The University of Chicago Press, 1990. 614 p.
5. Wierzbicka A. Semantics. Primes and Universals. New York : Oxford University Press, 1996. 512 p.

6. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55-75.

7. Семенова Т.И. Модальная рамка «наблюдения» в представлении эмоциональных состояний (на материале английского языка) // Языковая онтология семантически малых и объемных форм: вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. 2000. № 1. С. 135-142.

8. Верхотурова Т.Л. Фактор наблюдателя в науке [Текст]: моногр. Т. Л. Верхотурова. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 289 с.

9. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

10. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: ИРЯ РАН; МГУ, 2004. 544 с.

11. Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости: моногр. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 237 с.

12. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.

13. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 334 с.

14. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.

15. Genette G. Narrative Discourse. An Essay in Method tr. from French by J.E. Lewin. Ithaca; New York : Cornell University Press, 1980. 285 p.

16. Prince G.A. Dictionary of Narratology. Aldershot : Scholar Press, 1988. 118 p.

17. Pascal R. The Dual Voice: Free Indirect Speech and Its Functioning in the XIX- Century European Novel. Manchester : University Press, 1977. 150 p.

18. Leech G.N., Short M. H. Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. London; New York : Longman Group UK Limited, 1987. 402 p.

19. Трушкова Л.О. Эмоциональный концепт Sadness: когнитивно-дискурсивный

анализ: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010. 170 с.

20. Шапарь В.В., Рассоха О.В. НПС – Новейший психологический словарь. Ростов н/Д : Феникс, 2005. 808 с.

21. Федотова О.С. Лингвостилистические средства реализации интроспекции персонажа в современной англоязычной художественной прозе: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.

22. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.

23. Мечковская Н.Б. На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке // Логический анализ языка. Языки динамического мира: сб. ст. Дубна: Междунар. ун-т природы, о-ва и человека, 1999. С. 376-393.

Список источников примеров

1. Brown1, D. Angels and Demons [Text] / D. Brown. – New York : Pocket Books, 2004. – 431 p.

2. Brown2, D. Deception Point [Text] / D. Brown. – New York : Simon & Schuster Adult Publishing Group, 2003. – 590 p.

3. Brown3, D. The Da Vinci Code [Text] / D. Brown. – New York : Pocket Books, 2004. – 634 p.

4. Caldwell, I. The Rule of Four [Text] / I. Caldwell, D. Thomanson. – New York : The Dial Press, 2004. – 384 p.

5. Cornwell, B. Battle Flag [Text] / B. Cornwell. – New York : Harper Paperbacks, 2001. – 480 p.

6. Garwood1, J. Castles [Text] / J. Garwood. – New York : Pocket Books, 1993. – 384 p.

7. Garwood2, J. Gentle Warrior [Text] / J. Garwood. – New York : Pocket Books, 1989. – 400 p.

8. Mitchell M. Gone with the Wind. New York : Warner Books, 1993. 1024 p.

9. Steel D. Lone Eagle. A Gorgi Book, Sydney, Australia, 2002. 645p.